

Ань Ну на мгновение замолчал, а затем произнес:

— Если это ради меня, тебе не нужно было так стараться. Я уже и не человек, и не призрак, я не стоишь того, чтобы ради меня так жертвовать собой.

Свата пронизывали одновременно боль и озноб, и он просто рухнул на каменное ложе, свернувшись калачиком и горько жалуясь:

— Тебе совсем до меня дела нет? Если хочешь лишь рассуждать о праве и неправе, уходи сию же минуту! Я... я заслуживаю того, чтобы околеть от боли!

Каждое его слово было наполнено капризным упрёком, разительно отличаясь от его поведения снаружи, словно он одновременно безумно любил и ненавидел этого Ань Ну. И всё же то, что он рухнул прямо на каменное ложе, доставляло сплошные мучения Цзян Чжо, которому приходилось удерживать каменную плиту в равновесии.

Ань Ну промолвил:

— Каждый раз, когда зажигается Истинное Пламя Палящего Солнца, моего разума становится хоть на капельку меньше...

Сват возразил:

— Раз у тебя есть Глина Тайцин, чего ты боишься? Я в любом случае смогу воссоздать для тебя человеческое тело! Вот только если ты и дальше будешь игнорировать меня, я заживо замёрзну здесь насмерть... Ань Ну, давай же скорее!

Ань Ну ничего не ответил.

Увидев это, сват в мгновение ока устроил истерику:

— Ладно, хорошо! Мне следовало заранее знать, что вы, Племя Огnekормов, — все сплошь неблагодарные твари! В тот день на охотничьих угодьях мне нужно было просто смотреть, как они топчут тебя, и позволить тебе умереть!

Ань Ну вздохнул:

— Ты действительно не должен был спасать меня. Теперь в живых остался только я один, да еще в таком обличье — уж лучше бы я умер и не мучился.

Сват воскликнул:

— Это я отдал все свои глубокие чувства не тому человеку! Оставил великого жреца и пошел спасать именно тебя! Ради твоего спасения я и сердце вырвал, и душу потерял... Знай я заранее, тоже умер бы в тот день, и дело с концом! Умер бы — и не пришлось бы больше сносить твои насмешки и упрёки!

С этими словами он разрыдался.

— На охотничьих угодьях было так опасно, да еще этот негодяй Цзин Лунь там крутился! Ради тебя я жизнью рисковал, тащил тебя на спине, катился и полз, и наконец сбежал обратно! А ты? Почему ты всегда вот так со мной!

Он уткнулся в каменное ложе и долго рыдал, пока наконец Ань Ну не признал свою вину:

— Перестань плакать, это моя вина... Я зажгу для тебя истинное пламя.

Сват не унимался и продолжал ворчать. Ань Ну, уже привыкший к этому, ничего не отвечал, лишь встал у края каменного ложа и зажег для него Истинное Пламя Палящего Солнца.

Истинное Пламя Палящего Солнца было пламенем для молитв и жертвоприношений богам; когда оно не карало грехи, оно обладало свойством исцелять душевные раны и успокаивать разум. Цзян Чжо даже сквозь каменную плиту чувствовал струящуюся духовную энергию, от которой во всем теле разливалось приятное тепло. Прошло немало времени, прежде чем сват, судя по всему, почувствовал себя лучше, и безумие оставило его.

Тогда Ань Ну спросил:

— Ты только что сказал, что за тобой гнались три злых духа, кто они?

Сват ответил:

— А кто же еще? Те, кто смогли найти это место, — все до единого прихвостни Цзин Луня, посланные Управлением Тяньмин!

Дне подряд прозвучавшее имя Цзин Луня заставило веки Цзян Чжо чуть заметно дрогнуть. Ло Сюй обладал невероятной чуткостью! Сначала он не принял это имя близко к сердцу, но теперь решил тихо спросить:

— Ты знаком с ним?

Потоки воздуха от говорящего коснулись его уха, вызывая легкий зуд и покалывание. Молодой господин не боялся боли, но вот к щекотке совершенно не привык, из-за чего Ло Сюй от этих нескольких слов слегка прищурился и едва не зажал Преисподний Веер до потного состояния.

Он бросил на Ло Сюя косой взгляд и промычал носом: «Мм».

Наверху Ань Ну произнес:

— Он уже три года истребляет мой народ Огnekормов... Все эти годы я пролежал в беспамятстве с телом из белых костей и не мог выйти даже из усыпальницы, чего же он еще хочет?

Сват откликнулся:

— Раз он не заполучил Истинное Пламя Палящего Солнца, то, разумеется, не намерен останавливаться.

Ань Ну сказал:

— Выведи меня наружу, я хочу спросить его, почему он так заиклился на Истинном Пламени Палящего Солнца. Ради этого огня он не только перебил всех людей внутри топей и снаружи до единого! Даже Сюйле... и Сюйле тоже...

Переживая бурные чувства, он заставил свои белые кости издать зловеший треск: «Хрусь-хрусь-хрусь». Но сват в едином порыве вскочил на ноги и уставился куда-то в сторону:

— Что это?

Цзян Чжо мысленно отметил: ну наконец-то заметили!

И впрямь, сват произнес:

— Почему этот деревянный ящик здесь? Ты впустил кого-то внутрь!

Память Ань Ну, судя по всему, была отвратительной — он совершенно забыл, что совсем недавно уже сражался с Цзян Чжо. Заметив стоящий неподалеку деревянный ящик, он тоже крайне изумился:

— Нет... я не помню...

Тон свата помрачнел, он поднялся на ноги и уже собирался открыть этот ящик:

— Выходи!

Ань Ну предостерег:

— Плохо дело, остановись немедленно! Мне кажется, этот деревянный ящик невероятно свиреп и источает чудовищную злую энергию, боюсь, к нему нельзя прикасаться запросто!

Но в свате уже проснулась кровожадная природа, разве мог он сдержаться? Едва он коснулся деревянного ящика, как его кончики пальцев пронзила острая боль, и он испустил дикий вопль: его пять пальцев вместе с рукавом вспыхнули ярким пламенем. Ань Ну всё же питал к нему некоторую привязанность и, призвав хлыст из истинного пламени, мгновенно притянул его обратно.

— Этот огонь не остановить! — у свата полыхали оба предплечья, и пламя никак не хотело гаснуть. Стиснув зубы, он взмолился: — Ань Ну, отруби эти две руки!

Ань Ну сделал резкое движение хлыстом, и раздался глухой звук: «Хрусь!» Руки свата уже отделились от тела. Едва упав на землю, они мгновенно обратились в пепел. К счастью, у него хватило решимости мужа отсечь себе запястья ради спасения жизни, иначе в пепел превратился бы он сам!

Цзян Чжо давно потерял терпение, откинул каменную плиту и с улыбкой произнес:

— Брать без спросу — значит воровать. Ты украл вещь моего брата, за это ведь положена кара.

Оба никак не ожидали, что под каменным ложем кто-то прячется. Они на мгновение остолбенели, а затем их лица резко переменились. Лишившись рук и побелев губами от боли, сват попятился за спину Ань Ну:

— Это они! Ань Ну, чего ты ждешь, убей их немедленно!

Цзян Чжо бросил:

— Погодите. Я только что снизу слушал вашу нежную романтику битый час, и у меня осталось несколько вопросов, на которые вам придется ответить.

Сват пронзительно завопил:

— Ты собираешься драться или нет? Неужели ты забыл, как Цзин Лунь вырывал сердца и легкие у твоего народа и как он превратил тебя в грязного раба?!

Ло Сюй отряхнул рукава и безмятежно вставил слово:

— Кто такой Цзин Лунь?

Цзян Чжо ответил:

— Эту историю... я чуть позже расскажу тебе во всех подробностях!

В глазницах черепа Ань Ну пылали два очага истинного пламени, и Цзян Чжо догадался, что именно так он выглядел в минуты рассудка; во время их недавней схватки он, судя по всему, все еще пребывал в состоянии «сна». Он не поддался на призывы свата и не стал нападать, а лишь произнес:

— Мне кажется, они не похожи на людей из Управления Тяньмин...

Сват заладил:

— Обязательно носить белые одежды, чтобы сойти за них? Когда Цзин Лунь вырезал всю твою семью, на нем тоже не было белого!

Каждое его слово было пропитано жаждой мести, он подстрекал и науськивал Ань Ну на бой, разительно отличаясь от только что плакавшего в три ручья создания.

Цзян Чжо удивился:

— Ты заманил меня сюда от самой Горы Саньян только для того, чтобы разыграть этот спектакль? Какое Управление Тяньмин, какой Цзин Лунь? Когда ты был в Храме Минь-гуна, ты вовсе не так ко мне обращался.

Он слегка постучал складным веером, и два духа-ликтора выползли из земли, ухватив свата за ноги и буквально перевернув его вверх тормашками. Сват завопил всю мочь, и тогда Ань Ну наконец преградил путь взмахом руки, словно что-то вспомнив:

— Мои урны с прахом... Мои урны с прахом — это вы украли?

Когда они только забрались под каменное ложе, те самые урны с прахом провалились внутрь вместе с ними, и Ло Сюй только что стряхивал с рукава именно глину из сосудов. Он поднял один из обломков и поинтересовался:

— Ты об этом?

Увидев осколок, Ань Ну пришел в ярость:

— Наглец!

Хлыст из истинного пламени со свистом рассек воздух и со страшной силой обрушился на каменное ложе, отчего ширма мгновенно разлетелась в щепки. Если бы не молниеносная реакция Цзян Чжо, который рывком оттащил Ло Сюя в сторону, этот удар пришелся бы прямо по нему!

Цзян Чжо укоризненным тоном произнес:

— Зачем ты его разозлил?

Ло Сюй невозмутимо ответил:

— Я вовсе не собирался его злить, он сам взбеленился.

Ань Ну с ног до головы окутался синеватым истинным пламенем. Стоило ему топнуть ногой по земле, как по всей усыпальнице бушующим пламенем вспыхнули огромные очаги огня.

Цзян Чжо даже позавидовал:

— Чудеса да и только! Ты один способен призывать Истинное Пламя Палящего Солнца, да еще и без всяких заклинаний.

Не успел он договорить, как Ань Ну рывкнул:

— Бичевать!

Оказывается, он тоже читал заклинания, просто делал это несколько медленнее остальных. Что такое бичевать, Цзян Чжо не знал, но прекрасно видел, что этот хлыст словно обрел собственный разум: он разделился на множество полос и принялся беспорядочно и яростно лупить во все стороны прямо по ним двоим!

Трах-бах-тарарах!

Огненный хлыст в щепки разнес каменное ложе. Отдав два приказа исполнения приказа, Цзян Чжо, не касаясь ногами земли, увлек Ло Сюя за собой и увернулся к самому деревянному ящику. У него даже нашлось время для праздного любопытства: он хлопнул ладонью по деревянному ящику, желая воочию убедиться, насколько же тот «свирип и чудовищен».

Огненный хлыст Ань Ну полоснул по воздуху, и обоим пришлось уклоняться. Вокруг уже всё полыхало, а медные монеты на земле продолжали вибрировать с гудящим звуком.

Ло Сюй заметил:

— Заклинание изгнания нечисти на этих монетах выжжено.

Цзян Чжо пригляделся: мелкие руны на медных монетах и вправду полностью стерлись под воздействием истинного пламени! Сердце его нехорошо ёкнуло. Подняв голову, он увидел, что гигантский зрачок Сюйле на своде потолка свирепо разинул пасть, обнажив клыки —

Рррм!

Уши Цзян Чжо пронзила острая боль, и рев Сюйле отбросил его назад! Ощущая головокружение, он крепко схватил Ло Сюя за руку и торопливо выкрикнул:

— Нарисуй для меня Талисман Молитвы Богам — этот Сюйле уже превратился в стража усыпальницы, его обида чудовищна, он собирается нас сожрать!

Неудивительно, что все эти изображения Сюйле были обращены внутрь: несомненно, кто-то сделал это нарочно, чтобы запечатать внутри все души мертвецов и обиженные души этого склепа и этой усыпальницы! Только вот оставалось загадкой, что пошло не так: от мертвецов остался один лишь Ань Ну, который теперь норовил запечатать их самих!

автор написал:

Спасибо за чтение.

Лживый Сват

Ань Ну никак не ожидал от Сюйле такой свирепости. Оглушенный громовым ревом до искр в глазах, он отступил к самому боку свата:

— Разве Сюйле уже не рассеялись?

Сват ответил:

— Это нужно спросить у Управления Тяньмин, всё это дело рук их грязной стряпни!

Он явно знал подноготную, но намеренно валил с больной головы на здоровую, перевирая черное и белое, чтобы Ань Ну принял Цзян Чжо и Ло Сюя за прихвостней Управления Тяньмин. Ань Ну, разумеется, поверил на слово, мысленно перехватив огненный хлыст:

— Старые обиды и новые счета — сегодня я сведу их с ними разом!

Увы, даже при всем его желании Сюйле не предоставило ему такой возможности. После того рева Сюйле не унималось и издало еще три громовых рыка подряд, от которых медные монеты на полу зазвенели звонким переливом, словно жареные орехи, подпрыгивающие на раскаленной сковороде, разлетаясь во все стороны.

Голова Цзян Чжо раскалывалась от боли. Одной рукой зажав ухо, он спросил стоявшего рядом спутника:

— Братец, ты дорисовал?

Ло Сюй ответил:

— Нарисовать-то нарисовал...

Как только Цзян Чжо услышал, что рисунок готов, он тут же вскинул ладонь и произнес заклинание Талисмана Молитвы Богам, обращаясь к Сюйле:

— Молю о помощи Сюйле болот...

Не успел он договорить и половины слов, как внезапно почувствовал неладное: заклинание не отзывалось эхом!

Ло Сюй придержал его руку, уже готовящуюся опуститься:

— Я не умею обращаться с богами, этот талисман — для успокоения души.

Ситуация была критической, и у Цзян Чжо не оставалось выбора. Он обратился к Сюйле:

— Пусть будет Талисман Успокоения Души, Сюйле, смилуйся и поспи еще немного!

Едва слова затихли, на его ладони вспыхнул ярко-синий свет. Этот голубой свет, подобно круговым рябящим волнам на глади озера, начал расходиться слой за слоем. Как только сияние коснулось Сюйле, неистовый рев чудища оборвался на полуслове.

Стоило им укротить Сюйле, как Ань Ну стремительно бросился в погоню. Столкновение с Истинным Пламенем Палящего Солнца всегда сулило головную боль, поэтому Цзян Чжо взмахнул ладонью и бросил в сторону преследователя:

— И ты тоже поспи немного!

Ань Ну вздрогнул, вскинув руку для защиты... и ничего не произошло!

Цзян Чжо усмехнулся:

— О, ты ведь тоже боишься этого Талисмана Успокоения Души? Похоже, усыпанные по полу монеты защищают не только от Сюйле, но и от тебя. Ты заявлял, что хочешь поквитаться с нами за старые и новые счета, так позволь мне спросить: какие у нас новые счета и какие старые?

Сват перебил его на полуслове:

— Новые счета — это то, что вы меня избили! А что до старых... Хм, хорошо притворяться! Ань Ну, ни в коем случае не слушай его сладкие речи!

Сват изо всех сил рвался выпутаться из беды и даже не позволял другим слова сказать, без устали подгоняя Ань Ну нащёптываниями прямо на ухо. И именно эта назойливая спешка посеяла зерна сомнения в душе Ань Ну: опустив хлыст, он не стал спешить с расправой, а вместо этого обратился к Цзян Чжо:

— Кто вы такие?

Цзян Чжо откликнулся:

— Я-то? Меня пригласил твой друг, стоящий за твоей спиной.

Сват взвизгнул:

— Брехня собачья! Я все время сидел здесь, когда это я тебя приглашал?!

Цзян Чжо покачал головой:

— Ну, ты-то, пожалуй, отсюда и не вылезал, а вот твой двойник преспокойно рассиживал где попало.

Сват взбеленился:

— Какой еще ты-то, какой двойник, что за бред собачий!

Цзян Чжо усмехнулся:

— И то верно, если бы не увидел собственными глазами, сам бы не поверил. По дороге сюда я встретил целых трех тебя, и у всех троих были совершенно разные личины и наряды. Сначала я недоумевал: какой же простофиля станет с такой беспечностью оставлять улики на каждом

шагу? Но теперь мне всё ясно: каждый из трех твоих двойников служил своей цели, и всё ради того, чтобы заманить меня сюда.

Сват холодно рассмеялся:

— Какая бесстыдная наглость! Да с чего ты взял, будто ты такая важная птица, чтобы я тратил столько сил на подобные изощренные расчеты?!

Цзян Чжо постучал по складному вееру, ни капли не сердясь:

— И то верно, я ведь не какая-то великая персона, с чего бы тебе так утруждаться сложными планами? Но только что, слушая ваши переговоры внизу, я вдруг сообразил: у меня при себе действительно есть вещь, которая тебе очень нужна.

Сват закричал:

— Ань Ну, ты и дальше будешь слушать его пустую болтовню?!

Цзян Чжо продолжил:

— Не спеши, я как раз подхожу к самому главному. Ты обманом заманил и запер здесь этого друга, повесил на него Глину Тайцин, а напоследок притащил меня за тысячу ли — что такое, неужели ты решил собрать все «три огня» целиком?

При этих словах сват резко попятился назад, безуспешно пытаясь оправдаться:

— Какие у тебя доказательства...

Цзян Чжо заметил:

— Погляди-ка на себя: ни человек ни демон, но при этом волен свободно входить в эту усыпальницу и выходить из нее. Странно, правда? Ведь он тоже ни человек ни демон, почему же он «не может покинуть даже усыпальницу»? В самом ли деле это он не может уйти, или это ты не хочешь его отпускать? К тому же, прекрасно зная, кто я такой, ты нарочно солгал ему, будто я прихвостень Управления Тяньмин — неужели боялся, что он узнает об отсутствии людей снаружи и пожелает выбраться во внешний мир?

Еще когда они подслушивали под каменным ложем, Цзян Чжо показалось странным каждое слово свата, а услышав заявление Ань Ну о том, что он уже три года не переступал порог усыпальницы, он и вовсе усомнился в правдивости происходящего. Позже, заметив, что Ань Ну даже не подозревает о превращении Сюйле в стража усыпальницы, он догадался: все эти медные монеты под ногами сват раскидал специально для того, чтобы подавлять Сюйле.

Именно поэтому Ань Ну за три года пребывания в склепе так и не узнал, что Сюйле все еще «живо».

Ань Ну резко развернулся и уставился на свата, огоньки пламени в его пустых глазницах затрепетали:

— Когда я только очнулся, ты говорил мне, будто Цзин Лунь стремится истребить всё живое до корней и то и дело рассылает людей прочесывать земли внутри и снаружи топей, поэтому мне нельзя и шагу ступить за пределы усыпальницы... Ты... неужели всё это было ложью?

Сват под его суровым взглядом зашагал назад:

— Я провел с тобой в этой усыпальнице три года, неужели ты готов усомниться в моей искренней привязанности к тебе из-за слов какого-то чужака? Я... я ведь ради тебя...

Ань Ну глухо произнес:

— Ради меня? Или ради Истинного Пламени Палящего Солнца?

автор написал:

Спасибо за чтение.

Потоки слез свата хлынули с невероятной скоростью:

— Если бы я был ради Истинного Пламени Палящего Солнца, зачем мне было возиться с тобой целых три года? Забрал бы огонь силой, пока ты был без сознания, и что бы ты мне сделал!

Ло Сюй, придерживая деревянный ящик, судя по всему, глубоко проникся этим заявлением и принялся подливать масла в огонь:

— Если бы ты мог забрать его силой, тебе не пришлось бы ждать целых три года.

Пусть Ань Ну и обратился в скелет, на его черепе проступило выражение полной растерянности. Бормоча себе под нос, он произнес:

— Если преследование Управления Тяньмин — ложь, неужели и истребление душ моего рода тоже ложь? А если это ложь, то где же мой отец... мои братья... куда делись души моего Племени Огнекормов?

Его душа пребывала в смятении, даже Истинное Пламя Палящего Солнца заплесало рывками

и неуверенно. Не замечая этого, он снова перевел взгляд на свата и допытывался:

— А то, что ты говорил о намерении использовать Глину Тайцин, чтобы вернуть мне человеческое тело, а затем воззвать к силам Тайцин, чтобы оживить всех нас — неужели всё это тоже ложь?!

Свату уже некуда было отступать. Цзян Чжо думал, что тот станет до последнего отрицать содеянное, но вместо этого выражение лица свата мгновенно переменялось, и он ухмыльнулся:

— Ну, не совсем уж ложь. Я смешал правду с ложью пополам. Угадай-ка, что из этого было правдой, а что — ложью?

Ань Ну опешил:

— Что?

Уголки рта свата изогнулись в кривой усмешке:

— Ты такой тупица, все равно не угадаешь! Слушай сюда: преследование со стороны Управления Тяньмин было ложью. Почему? Да потому, что ты давным-давно погиб на охотничьих угодьях!

Он отрастил себе новые руки, а его фигура, тонкая как бумажный лист, казалось, зловеще колыхалась в игре теней от пламени. Издав серию зловещих смешков: «Хе-хе-хе», он продолжил:

— Но то, что души твоего Племени Огnekормов были истреблены — чистая правда. Вот только истребило эти души вовсе не Управление Тяньмин, а ты сам!

Ань Ну, словно пораженный молнией, взревел:

— Что ты сказал?!

Сват продолжил:

— Если бы не жертвоприношение этих душ, за счет чего ты бы возродился из белых костей? Смешно, до чего же смешно! Весь этот городок и усыпальница пусты лишь потому, что ты сожрал их всех подчистую! А я с помощью тайных искусств клана Хугуй поддерживал в тебе жизнь и погружал в состояние полусна...

Каждое слово свата разило наповал, заставляя Ань Ну едва ли не сходить с ума. Он изо дня в

день предавался тоске в этой усыпальнице, а оказалось, что души всего его клана покоились у него в желудке. Отступив в ужасе, он хотел было броситься бежать, но при мысли о том, что снаружи царит пустота, его забила крупная дрожь. Ему стало так страшно, словно он воочию узрел ту страшную картину, окончательно подтверждавшую слова свата. Всего за несколько мгновений из него вырвался мощнейший поток дикой злобы и ненависти, полностью лишивший его остатков разума!

— Плохо дело, — Цзян Чжо резко взмахнул складным веером. — Ты попался на его удочку — Глас Греха!

Пронзительный, режущий слух визг внезапно разорвал тишину, впиваясь в уши каждому; по своим ощущениям он ничуть не уступал громовому реву Сюйле. Ань Ну же, окончательно обезумев, схватил свата за руки со словами:

— Зачем ты погубил меня?!

Сохраняя пугающе спокойное выражение лица, сват ответил:

— Ты слишком глуп. Сперва ты пал жертвой яда Управления Тяньмин, так грех было не воспользоваться тобой...

Ань Ну резким движением разорвал его пополам — ведь он с самого начала был лишь бумажной куклой! Внутри него всё пестрело ярко-алыми чернилами, и было сплошь исписано черными заклинаниями.

Цзян Чжо заключил:

— Все трое — марионетки, это мастер из клана Хугуй!

Когда он сражался со сватом в городке, тот использовал «солдат Цао», и тогда у Цзян Чжо уже закрались подозрения, что сват тесно связан с кланом Хугуй. Теперь же, воочию убедившись в существовании бумажного тела-марионетки, он окончательно утвердился в догадках насчет школы кукловода. Поговаривали, что клан Хугуй был наставником всех укротителей духов в Поднебесной, и это искусное владение техникой управления марионетками и духами поистине открыло Цзян Чжо глаза.

Разорвав марионетку на части, Ань Ну выпустил на волю потоки истинного пламени, которые стремительно затопили всю усыпальницу. На стенах целыми пластами стали отваливаться фрески с изображением Сюйле, обнажая скрытую за ними черную почву — всю сплошь покрытую толстым слоем Глины Тайцин!

Ло Сюй откровенно лишился дара речи:

— Эта глина...

Цзян Чжо мысленно выругался: похоже, старейшина Тыквенный Дух выкопал и притащил сюда всю почву Тайцин подчистую!

Стоило Истинному Пламени Палящего Солнца коснуться поверхности стен, как из почвы полезли многослойные черные заклинания, которые, словно тяжелые кандалы, начали медленно вращаться. Вглядевшись внимательнее, Цзян Чжо заметил, что они до единого исписаны Божественными Речами Наставления со словом «Тайцин».

— Использовать обычную землю вместо алтарной таблички Тайцин, а вдобавок принести в жертву этого друга и нас с тобой, — окинув взглядом руны, произнес Ло Сюй. — Из трех огней собрали два, глядишь, сама Тайцин и вправду заинтересуется...

Цзян Чжо с щелчком сложил веер и, не смея даже помыслить об использовании Кармического Пламени Варахи, резко дернул Ло Сюя за плечо:

— Быстро, быстро, туши его огонь!

Ло Сюй небрежно начертил в воздухе круг:

— Бурные Волны.

Волна хлынула прямо из-под ног, однако кости Ань Ну полыхали целиком, и разве могли обычные Бурные Волны загасить истинное пламя. В этот самый момент руны на всех четырех стенах неожиданно закрутились с удвоенной скоростью, словно подгоняемые чьей-то невидимой волей, и следом за этим вся усыпальница задрожала в яростной тряске.

Обладавший невероятно точным предчувствием Цзян Чжо немедленно выкрикнул:

— Исполнение Приказа!

Усыпальница резко встала торчмя; не успей он вовремя произнести приказ исполнения приказа, как они оба вместе с деревянным ящиком уже скатились бы к стене. Ань Ну швырнуло в противоположный угол, и было непонятно, жив ли он вообще. Утвердившись на ногах, Цзян Чжо наконец обрел серьезное выражение лица:

— Эти письма во всей усыпальнице необычайны. Даже если они не призовут Тайцин, они вытащили наружу что-то еще — мы находимся у Него в «желудке»!

Череда жутких и загадочных происшествий в Городке Кормления Огня не прекращалась ни на минуту. На первый взгляд они казались не связанными ни с хребтом Мин-гун, ни с Горой

Саньян, но на деле одно теснейшим образом сплеталось с другим. Сват наверняка рассчитал каждый шаг еще до того, как разозлил Ань Ну, только вот сейчас раздумывать над этим было уже поздно — словно подтверждая слова Цзян Чжо, усыпальница в своем вертикальном положении продолжила содрогаться, будто у нее снаружи отросли четыре ноги, и она стремительно неслась вперед!

автор написал:

Спасибо за чтение.

Глиняная поделка

Эта усыпальница неслась вперед с бешеной скоростью, неизвестно куда направляясь, но куда бы она ни спешила, ничего хорошего от этого ждать не стоило!

<http://bllate.org/book/19195/1885295>